

ДОМ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ГЕРМАНИИ: ЛЮДИ И ВЕЩИ

Ю.В. Бучатская

Юлия Валерьевна Бучатская | <https://orcid.org/0000-0001-9139-0179> | julia.butschatskaja@yahoo.de | к. и. н., старший научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

вещи, дом, гостиные, русскоязычные переселенцы в Германии, мигрантский дом, русский дом

Аннотация

В статье, основанной на наблюдениях, опросах и нарративах русскоязычных переселенцев в городах Германии, которые касаются дома и его вещной сферы, затрагиваются вопросы о том, отличается ли обстановка гостиных русскоязычных жителей Германии от немецкой традиционной обстановки и почему. Какие вещи оказываются значимыми для информантов? Как связан выбор декоративных объектов с биографиями их владельцев? Рассмотрены понятия родины и дома как места проживания повседневности и эмоциональных привязанностей, как пространства демонстрации идентичности и вкуса через вещи, сосуществования людей и важных для них вещей. Материал показывает, что хозяева домов проявляют субъектность, стремясь сделать свой дом непохожим на место исхода, реализовать в своем жилье стиль европейских интерьеров, однако зачастую воспроизводят стереотипы и фрагменты из прежних домов, в которых проходила их жизнь до переезда.

Исследование дома и вещей в нем имеет долгую традицию в социологии, этнографии, антропологии, психологии, географии, истории и других науках, что позволяет, например, Ольге Бредниковой и Ольге Ткач (*Бредникова, Ткач* 2010: 75) концептуализировать дом “как перекресток... самых разных социальных дисциплин”. Социологи, антропологи и социальные психологи рассматривают дом как воплощение идентичностей и ценностей его хозяев, выраженное материально; как место, в котором сосуществуют люди и вещи (*Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton* 1981; *Hepworth* 1999; *Langhamer* 2005; *Marcus* 1995; и др.), какместилище памяти и представлений (*Bachelard* 1994 [1964]), пространство пересечения биографии и этнографии (*Hoskins* 1998; *Carsten* 2018). Дом можно трактовать как определенную зону, где человек чувствует себя в безопасности,

Статья поступила 17.11.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 04.05.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Бучатская Ю.В. Дом русскоязычных переселенцев в Германии: люди и вещи // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 44–65. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040030> EDN: HXKH XO

Butschatskaja, J.V. 2022. Dom russkoiazыchnykh pereselentsev v Germanii: liudi i veshchi [The House of Russian-Speaking Immigrants in Germany: People and Things]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 44–65. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040030> EDN: HXKH XO

где он защищен, как место привязки и стабильности, как ценный и уникальный объект для хозяев и их наследников. Боллноу (*Bollnow* 1963) говорит о проживаемом людьми пространстве (*der gelebte Raum*), которое формирует и формируется человеком, а размышления о нем дают нам представление о тождествах и отношениях людей и материальности.

В этом смысле можно говорить о разных исследованиях. Одни из них фокусируются на изучении дома как комплексного феномена, выявляющего связи между жизнями людей и историческими, социальными и политическими контекстами, в которых они материально находятся (*Carsten* 2018); другие – на культурной биографии домов (*Kopytoff* 1986) или же на отдельных помещениях дома, в частности гостиных (*Götze* 1979; *Riggins* 1994; *Warnke* 1982). С 1970-х годов в этнографии гостиных преобладали концепции, предлагавшие прочитывать обстановку как социальное действие и презентацию общественного статуса владельца. Исследования П. Бурдьё (*Bourdieu* 1987 [1979]), М. Дуглас и других ученых конструировали гостиную как знаковый объект, несущий смыслы, которые можно интерпретировать, т.е. в фокусе научных подходов к изучению обстановки гостиных лежали не сами вещи, а то, что они “значат” (*Hahn* 2010: 13). Еще до публикации “Различий” Бурдьё немецкие ученые обращались к исследованию гостиных и выявляли корреляцию между жилым помещением и его репрезентативной функцией (*Mitscherlich* 1965, *Tränkle* 1972).

Такие явления постмодерна в Европе XX в., как возросшая географическая мобильность, распространение массовой культуры и стандартизация застройки, кажется, должны разрушать многие традиционные структуры, само чувство привязанности к месту, буквально “порождать чувство бездомности” (*Бредникова, Ткач* 2010; об этом см.: *Mitscherlich* 1965; *Cuba, Hummon* 1993: 550). Вторая половина XX в. кардинальным образом изменила понятие дома в связи с миграционными процессами в Европе: начиная с драматической истории переселения жителей с территорий, поменявших государственную принадлежность вследствие послевоенного изменения границ, трудовой миграции, и заканчивая массовой эмиграцией из республик СССР, с которой пересекается тема этой статьи. Исследования обращаются к феномену мигрантского дома. Дом в условиях глобальных транснациональных и транслокальных миграций оказывается сложным для определения и многозначным. Дом как физическое пространство (*house*) и дом как проживаемое пространство (*home*) могут не совпадать. Поэтому в исследованиях говорят о “кризисе дома” (*Armbruster* 2002).

Объектом моего исследования является материальная культура дома мигрантов из бывшего СССР в Германию. Русскоязычные переселенцы составляют большой процент жителей Германии с миграционным прошлым, однако кроме этнических немцев (*Russlanddeutsche Spätaussiedler*) существует обширная диаспора еврейских контингентных беженцев (*Kontingentflüchtlinge*), представителей других этнических обществ, проживавших в бывшем СССР. Используя понятие “русскоязычные”, я собирательно обозначаю им выходцев из бывшего СССР, которые имеют общий культурный и бытовой бэкграунд, хотя большинство собеседников в моем проекте были именно российскими немцами. Объединять разные этнические группы мигрантов из СССР в единую при рассмотрении материальной культуры дома мне позволяет концепция “синхронизации советских пространств” литовского урбаниста Нериюса Милерюса (*Милерюс* 2008: 53–54): через регламентацию повседневных практик, ритмов и материальностей процесс советской урбанизации привел к унифицированию разных по культурным традициям территорий. Вне зависимости от конкретного места исхода в бывшем СССР общее советское наследие остается сильным и влияет на повседневные практики и материальную культуру переселенцев в Германии.

Методика исследования

Материал, на котором строится этот текст, разнородный. В 2008–2009 гг. я находилась в полевом стационаре в г. Бамберг, наблюдая группу российских немцев – переселенцев 1990-х годов, которая, однако, вскоре расширилась до довольно пестрого сообщества русскоязычных из бывшего СССР с разной биографией, этническим происхождением, местом исхода. Я использовала качественные методы. В первой фазе (2008–2009 гг.) это были полуструктурированное глубинное интервью, включенное наблюдение, анализ популярных и информационных изданий. В этот период меня интересовал вопрос, есть ли культурно обусловленные отличия в выборе декора для интерьеров “русских” и немецких домов в Германии? По моей просьбе интервью проводились в квартирах собеседников, что позволило получить доступ к приватному пространству и наблюдать особенности его оформления.

Во второй фазе (2017–2020 гг.) я задалась вопросом о привязанности к вещам вообще. Расширяя имеющийся материал, я сосредоточилась на примерах из жизни собственных друзей и знакомых, проживающих в Берлине, под Гамбургом и в Мюнхене. Небольшое количество информантов компенсировалось длительным систематическим наблюдением и глубинными интервью, что позволило получить более детальное и глубокое проникновение в истории людей, их домов и вещей. В двух фазах исследования было собрано 14 интервью, из них 11 – в первой фазе. Мои наблюдения вряд ли правомерно обобщать – они предоставляют ситуативные экскурсы в жизненные миры нескольких семей во временном срезе 2009–2020 гг. Наблюдения и описания я дополняю комментариями информантов, делаю экскурс в их биографию и историю переселения в Германию, привожу сравнительные данные по интерьерам немецких жилищ, чтобы ответить на вопросы: как мои собеседники воспринимают свой дом и чем наполняют его интерьер? Где их дом? Какое значение имеют неутилитарные вещи в гостиных для людей? Все ли особенно ценные предметы выставлены напоказ? Что побуждает людей на новом месте жительства окружать себя вещами из прежней жизни и прежних домов?

Понятие дома для русскоязычных мигрантов Германии вербализуется неодинаково. Если говорить о российских немцах, то травматический опыт их жизни до эмиграции оказывает влияние на восприятие первым поколением переселенцев той страны, в которую они стремились. Люди с болью и одновременно ностальгией вспоминают свое прошлое, но при этом стремятся достигнуть уровня комфорта в повседневной жизни, который в период их пребывания в СССР казался недостижимой мечтой.

С одной стороны, мы говорим о доме мигрантов. Исследования мигрантского жилища акцентируют внимание на практиках “делания” дома через окружение себя знакомыми объектами для воспроизведения привычной атмосферы в чужой стране, подчеркивают раздвоенность мигрантского дома: одна часть его соотносится с местом исхода, а другая – с проживанием повседневности в месте актуального жительства (*Collins 2009*). Для трансмигрантов же жилище как физическое пространство вообще больше не является привязкой к новой территории. Оно переезжает вместе с живущими в нем людьми внутри принимающего общества при сохранении мигрантом прочных связей с местом исхода (*Бредникова, Ткач 2010: 78*). Называют такой дом номадическим. С другой стороны, хотя формально российские немцы – мигранты, к изучению “русского” дома в Германии применить такой подход невозможно. Переселение русскоязычных мигрантов в ФРГ было однонаправленным процессом и представляло собой разовое перемещение из места происхождения в место пребывания¹. В большин-

стве случаев переселялись родственные кланы или даже целые деревни. Для немцев из СССР на новом месте жительства характерны большие расширенные семьи, тесные узы родства, поддержание родственных связей, актуализация их в ритуальной сфере – по семейным праздникам или событиям (свадьбы, похороны). В данном случае говорить о наличии двойственности дома – оставленного в месте исхода и создаваемого на чужбине – можно только относительно: фактически “дом” как средоточие эмоциональных привязанностей переехал тоже; в месте исхода осталось лишь обжитое физическое пространство. В то же время восприятие своего жилища эмигрантами-немцами темпорально: традиции, перенесенные из прошлой жизни в СССР, постепенно трансформируются с течением времени и со сменой поколений, так что второе-третье поколение, которое социализировалось в немецкой молодежной среде и германских институтах, не сохраняет этих традиций и уже не помнит свое жилье в месте исхода. Исследователи говорят о гибридизации сообщества (*Isurin, Riehl* 2017) и ставят вопрос о содержании понятия “дом” (*daheim, zu Hause*) для индивида в случае принадлежности его к одной, двум или нескольким культурам, которые, смешиваясь, создают новый гибрид.

В стране исхода люди имели собственное жилье, и эмиграция в Германию обозначалась как переезд на новое постоянное место жительства. По моим наблюдениям, дом – как собственность и недвижимость (*house/Haus*) и как средоточие интимного мира семьи (*home/daheim*) – оказался значимым символом внутригрупповой консолидации российских немцев. И местные жители, и сами постсоветские мигранты подчеркивали, что многие “русские” имеют в собственности недвижимость: “У нас много тут русланддойче, много. И вполне они обеспеченные – ездят только на Мерседесах, и знаешь, сразу строят дома” (ПМА 2008–2010: М.М.); “Родственники наши все, что здесь, что в девяностые поприезжали, все уже живут в своих домах” (Там же: Н.М.). Неслучайно “дом” стал темой выставки о культуре и истории российских немцев *Das Russlanddeutsche Haus*, которая состоялась в Бамберге в 2008 г. Идеей выставки было показать, что для российских немцев, «народа с судьбой изгнанника и странника, “строить дом” значит выбрать место для жизни, где можно ожидать и строить свое будущее»; «обязательство стать “своим” в чужом месте»; “создать крышу над головой и кров для мечты” (*Das russlanddeutsche Haus* 2008). Поэтому приобретение нового дома после переезда в Германию для многих из них оказывается столь важным актом и даже кажется камнем преткновения в отношениях местных к переселенцам.

Специфика биографии российских немцев как народа заключена в переселениях: миграции в Россию в XVIII–XIX вв., а затем драматичный XX в., полный потерь, депортаций, репрессий, ссылок и гонений. В конце XX в. новое переселенческое движение обратно в Германию также ознаменовалось трудностями, связанными с культурной и языковой интеграцией. Ситуация такой кардинальной смены места жительства, как переезд в другую страну в условиях удаленности и отсутствия свободы пересечения границ, драматически сказывается на идентичности, которая конструируется заново на основе фактически двойственной этнической принадлежности и ментальных колебаний между прошлым и будущим (*Denisova-Schmidt* 2015), а также определяет способы взаимодействия с оставленной родиной и ставит вопрос о соотношении понятий родины и дома.

Мои материалы позволили мне выделить четыре типа демонстрируемой этой группой переселенцев этнокультурной идентичности: однозначное отнесение себя к немецкой нации и ощущение себя немцем; принадлежность к обоим культурам, осознание себя частью истории русской и немецкой нации

одновременно; утверждение своей “русскости”, а также кризис этнокультурной идентичности, невозможность вербально определить свое место на этой шкале (Иванова-Бучатская 2010). Отношение к родине как месту исхода также, как и культурное самоотнесение, как правило, определяется степенью успешности “карьеры” мигранта². При этом для очень многих приехавших важно, чтобы принимающее общество признало их немцами, но реальная ситуация обратная: их воспринимают как русских. Однако даже в среде тех русскоязычных информантов, которые переехали в Германию, получив там работу и карьерные перспективы, и успешно интегрировались в стране, отношение к оставленной родине разное: “Я тут через десять лет захотела в Россию, съездить, посмотреть, такая у меня была тоска. А как приехала к сестре в Барнаул, как посмотрела, сразу сказала: не могу дождаться, когда обратно домой, скорее домой!” (ПМА 2008–2010: В.Ш.).

Семья Ш. приехала в Германию из Казахстана, А.Ш. был шофером моего свекра в г. Талды-Кургане, и, как я знаю из рассказов моих родственников, бывших тесно связанными с семьей Ш., супруги всегда поддерживали свою немецкую идентичность, а также сохраняли настороженно-негативное отношение к соседним казахам и русским, что связано с биографическими эпизодами. Отец цитируемой В.Ш. перенес трудовую армию, лагерь и видел, как русские насиловали немецких женщин. Еще в 1970-е годы Ш. вынашивала идею уехать в Германию, тем более что мать А.Ш. уже жила там – однажды она съездила к сестре, которая была угнана в Германию немецкими солдатами во время войны, и решила остаться там; возможность закрепиться в стране она получила благодаря протекции Красного креста. В Германии Ш. с 1987 г. они быстро и успешно интегрировались в общество, заработали пенсию в ФРГ, владеют языком и поддерживают дружеские отношения подчеркнуто и исключительно с немцами.

У собеседников с трудностями определения своей этнокультурной идентичности понятия дома и родины также отличаются неопределенностью, они не тождественны, но, как правило, наличие семьи в Германии влияет и на локализацию “дома” в этой стране:

Очень сложный вопрос. Правда, не знаю, как ответить. Скажем так: я не хочу отречься от России. <...> Там все равно родина, дом. Наверное, проще сказать так: когда я слышу или мне кажется, что немцы не очень почтительно отзываются о России, меня сносит. Но точно так же меня сносит, когда я слышу, как русские нелестно отзываются о немцах. Во время чемпионата Европы я очень боялась, что выйдут в финал русские и немцы. <...> сформулировать трудно (ПМА 2008–2010: О.А.).

Процитированная собеседница О.А. достигла высокой степени интеграции в немецкое общество, имеет постоянное место работы, сходное с оставленным в России, хорошо владеет немецким языком. Очень значимой фигурой в жизни О.А. был ее отец – российский немец, который воспитывал дочь в почитании немецких национальных ценностей и классической немецкой культуры. Женщина все время нашего знакомства, которое выходило далеко за рамки данного интервью, подчеркивала, что получила немецкий паспорт еще до переезда в Германию, и называла себя по девичьей немецкой фамилии, и только случайно в конце разговора выяснилось, что живет она под фамилией мужа – русской. “Дом” О.А. определяла в ситуации беседы неоднозначно, относя его то к родительскому дому в России, то к теперешнему – в Германии: “...я не любительница телевизора, и дома никогда не смотрела особо. <...> Все нормально, все органично. Я дома”.

И.Б. выросла в Алма-Ате в “немецком” доме, ее мама и бабушка были российскими немками, и вся семья уехала в Германию в 1994 г.:

Дома чувствую я себя с того самого момента, как захожу на свой участок. Почему? Потому что это мои корни, моя вторая родина после Алма-Аты, и это мой дом, выстроенный так сказать своими руками, и это мое. Это мой дом, атмосфера, настроения, чувства, это действительно то место, где я чувствую себя дома, то, что я чувствую своей родиной. Карл Лагерфельд сказал очень замечательную фразу: там, где нахожусь я, там моя родина. Я свою родину вожу с собой. Мне очень понравилась эта фраза. Вам я очень благодарна за то, что вы мне дали возможность еще раз задуматься. Под родиной подразумевается *Heimat*. Это немного другой оттенок. Это чувство дома. Что-то я озадачилась. Мне самой стало интересно (ПМА 2020: И.Б., ж, 48).

М.К. выросла в Казахстане, в немецкой семье, где все общались на диалекте немцев Поволжья. И родители М.К., и все предки осознавали себя немцами, такую идентичность усвоила и сама М.К. Но неудавшаяся интеграция, отсутствие постоянной работы и кризис профессиональной идентичности в Германии прямо влияют на культурно-языковое самоотнесение:

Я никто. Я привыкла, как мы в Казахстане, по-немецки, значит, все. Бабушка не говорила по-русски. Мы себя немцами ощущали. <...> А здесь вот общение с немцами до того тяжелое <...> Я все время работала учителем, я могла помочь, ко мне приходили. Здесь, когда приехали, они (немцы. – *Авт.*) сразу с каким-то пренебрежением, особенно *Arbeitsamt* <...> Но я с высшим образованием. <...> Я со своими знаниями языка никому здесь не нужна. Это очень обидно. Когда ты приходишь к *арбайтсбератеру* (*Arbeitsberater*. – *Авт.*), а она говорит, идите пущать (от нем. *putzen* – чистить, убирать, мыть. – *Авт.*). Я говорю: варум пущать? Я попробую в садике, я попробую *киндерхор* – *найн*, вы с вашим дипломом уже никуда не пойдете. Только пущать. Это слышать неприятно (ПМА 2008–2010: М.К.).

То, что определение этнокультурной идентичности зависит от отношения к человеку принимающего общества, отмечала в своем нюрнбергском материале и М.С. Савоскул (*Савоскул* 2006): “Им важно, кем их считают сами немцы, в зависимости от этого они постоянно корректируют свою самоидентификацию”. Также показательно, что при неудачной интеграции и кризисной этнокультурной идентичности понятие дома, а значит – среды эмоционального комфорта и безопасности, – сужается: он не соотносится ни с покинутой страной, ни с настоящим местом жительства в Германии и Бамберге, но ограничен квартирой и семьей: “Германия – да, теперь я считаю, что это мой дом, это все, особенно домом считаешь, когда в квартире чувствуешь себя, а вышел за пределы квартиры – и уже... А там – там не было такого. Там ты живешь и, во-первых, не зря говорят: где я родился, там и пригодился” (ПМА 2008–2010: М.К.).

Трудности вербализации этнокультурной идентичности и искания смыслов понятия дома и родины, по моим наблюдениям, испытывали только респонденты из среды поздних переселенцев, в то время как русскоязычные собеседники, чей переезд был обусловлен профессиональными целями или семейным решением и регулировался иными законными основаниями, однозначно определяли свою этнокультурную принадлежность по родному языку и месту социализации, понятие родины однозначно соотносили со страной рождения, а дома – с местом актуального жительства семьи и средоточия эмоциональной привязанности и заботы. Если исходить из идеи о том, что дом только тогда становится домом, если его населяют – *Houses must be “peopled”* (*Carsten* 2018: 103; *Bachelard* 1994 [1964]), – то дом на новом актуальном месте жительства русскоязычных переселенцев играет именно такую роль независимо от разницы в основаниях, побудивших людей эмигрировать.

Материальность гостиных домов русскоязычных жителей мне впервые пришлось наблюдать в Бамберге. В январе 2009 г. меня пригласили посетить семью М. и О.А., переехавших в 2001 г. из Одессы. Они жили в трехкомнатной квартире в доме, построенном в 1970-х годах, где город сдает социальное жилье.

Хозяйка принимала меня в гостиной. Мебели в комнате было немного: кожаный диван-угол, два журнальных столика *IKEA* (красный и желтый), низкие деревянные крашенные полки с телевизором и массой декоративных мелочей. Обстановка была очень похожей на немецкие квартиры. Эта комната была разделена стеллажами с книгами на зону гостиной и зону кабинета с компьютерами на столиках и прочей техникой, письменным столом, дисками, книгами, доской с заметками и планами. Книги в стеллаже были преимущественно на русском языке: часть из них представляла собой модное или дешевое чтиво, но среди них встречались и альбомы по искусству разных европейских стран, книги-символы, без которых не обходится ни одна “приличная семья” (Пушкин, Лондон, Пастернак и т.д.), а также издания, посвященные дизайну, театру, массажу, промыслам. Были также учебники и профессиональная литература на немецком языке. Как рассказала М.А., из Одессы они взяли с собой четыре чемодана книг, а остальные пришлось сдать в библиотеку в Одессе или раздать знакомым (ПМА 2008–2010: М.А.). Супруги А. считают себя “нетипичной” мигрантской семьей, подчеркивая свое пристрастие к креативным профессиям, хотя оба супруга и в Одессе, и в Бамберге с готовностью брались за любую приносящую доход работу. Живя в Бамберге, М.А. предпочитала творческую работу и находила ее, хотя и не на постоянной основе. Она закончила в Одессе курсы дизайна интерьера и умела рисовать; на белых стенах их гостиной висели ее картины, выполненные маслом – рыбки и красная змея.

Другой эпизод, который я приведу здесь в подробностях, – визит в дом семьи И. и Л.Д. из Украины, которые переехали в Германию как российские немцы. Л.Д. была воспитателем в группе детского сада, куда ходили мои сыновья. Ее семья не имеет немецкого происхождения – немецкие корни есть у ее мужа. Семья Д. жила в то время в небольшой трехкомнатной квартире в доме, где кроме них было много русских семей, – как говорят здесь, “русакон”. В их гостиной выделялись светлая мебельная стенка и синий угловой диван; в одном углу на тумбе стоял большой телевизор *LED*, в другом, возле окна, – компьютерный стол с ноутбуком и рабочим креслом. Окно закрывали белые жалюзи. На полу перед диваном лежал ковер с красно-бежевым узором – как пошутила Л.Д., “ее приданое, привезенное с Украины”. Чешская хрустальная люстра со множеством подвесок, по словам Л.Д., “поражает всех гостей дома”. На открытых полках стенки стояли книги на русском языке: “История войн” Плутарха, энциклопедия, издания, посвященные живописи, художественная литература. В застекленной витрине стенки были выставлены хрустальные фужеры и матрешки, расписные деревянные яйца на подставках, несколько рамок с фотографиями, на одной из которых была запечатлена дочь информантов в украинском головном уборе.

Эти описания представляют два интерьера, которые выглядели в моем восприятии принципиально по-разному. В первом случае я особо отметила два момента – зонирование единого помещения с помощью книжных стеллажей (гостиная и кабинет) и наличие большого количества книг. Если в первом эпизоде хозяева выбрали стиль европейских интерьеров, включая в пространство уникальные объекты (свои картины и фотографии) и делая таким образом акцент на свободе и творческом характере живущих в доме людей, то во втором внимание привлекла типичность обстановки и схожесть с советскими практиками меблировки – мебель располагается по периметру, центр пола покрыт ковром, а визуальная доминанта комнаты – шкаф-стенка. Кроме того, в обоих случаях я особенно отметила мелкие декоративные детали, использованные в интерьере для заполнения шкафа-стенки, полок и украшения стен. Замечу при этом, что это описания гостиных, то есть помещений, рассчитанных на присутствие чу-

жих людей, гостей. Если следовать логике последователей Бурдые, для которых материальная вещь, а особенно вещь в помещении с презентационной функцией, есть социальный конструкт, то в обстановке и оформлении гостиной следует видеть демонстрацию хозяином уровня его благосостояния, соответствия моде, а также приверженности определенному стилю, персональным вкусовым предпочтениям и тем самым – объективацию идентичности. Социальная психология также прослеживает в обстановке дома отражение самого субъекта и его ценностей (*Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton* 1981: 123). Именно в гостиных (реже – кухнях и прихожих) сосредоточены объекты, обладающие ценностью для хозяина и, соответственно, демонстрируемые посторонним персонам.

Вернусь ко второму эпизоду. Типовой способ организации пространства гостиной, заключающийся в характерном наборе мебели и объектов – стенка, большой диван и телевизор, – повторяется в большинстве посещенных мною квартир. Эти объекты конфигурированы таким образом, чтобы центр комнаты оставался свободным для ковра. При этом хозяйки описанных квартир относились к разным типам заявленной ими этнокультурной идентичности – и российско-немецкой, и кризисной, и выраженно русской – и в обстановке своих гостиных, по всей видимости, следовали усвоенным в стране исхода нормам и ценностям. В гостиной как парадном помещении дома выставлены престижные, с точки зрения представителя позднесоветского общества, предметы, указывающие на уровень благосостояния хозяев: дорогой телевизор, дорогая (модная) стенка, роскошная хрустальная люстра. Показательно, что стенка как элемент престижа возникала и в речи информантов: “Наши вот как? Он все коптит, коптит, коптит бабки, потом, гоп – стенку себе купил классную. Потому что у соседа есть” (ПИМА 2008–2010: И.Д.).

Вещная среда гостиных воспроизводит хорошо знакомую многим “подсистему” советских квартир с “осью телевизор – диван”, организованной так, чтобы выделить пространство для просмотра телевизора как наиболее важной формы советского досуга (см.: *Утехин* 2001: 19), а также с центральной позицией для стенки как места экспонирования всего ценного в доме, прежде всего – дорогой фарфоровой посуды, хрустала, ваз. Стенка появляется в советском быту в 1980-е годы, заменяя серванты и расширяя их функции до книжного стеллажа, шифоньера, секретера. Светлана Бойм и Илья Утехин говорят об исключительной роли серванта и телевизора в интерьерах квартир, в частности – коммунальных квартир в СССР: “Содержимое видимой части серванта – предмет особой заботы и содержится в чистоте. Именно здесь побуждение украсить быт очевидно в наибольшей степени” (Там же). Бойм даже возводит “застекленную полку комода, где хранятся наиболее ценные вещи”, в ранг нового красного угла (*Boym* 1994: 151). Очевидно, что застекленный модуль “стенок” в квартирах русскоязычных мигрантов в Германии играет ту же роль, что и сервант советских коммуналок – места хранения и демонстрации ценной посуды, фотографий родных, “пристанища вещей с наибольшей символической значимостью – и безделушек” (*Утехин* 2001: 19).

Ковер, диван, стенка и телевизор в такой же пространственной конфигурации в гостиной пожилых супругов Ш., проживающих в собственном доме и выделяющих себя именно как немцев (в противоположность поздним переселенцам), подкрепляют предположение о переносе привычных в стране исхода шаблонов наполнения интерьера на новое место жительства. Разница лишь в стоимости и качестве этих предметов: у обеспеченных Ш. ковер персидский с растительным орнаментом, диван из темно-зеленой кожи, телевизор LED, большого размера и дорогой марки (Рис. 1). Ольга Нойфельд также отмечала в своем исследовании особую любовь российских немцев к коврам как элементу

Рис. 1. Фрагмент гостиной В. и А. Ш., Фасторф (фото автора, 2009 г.)

оформления гостиной, а также изменение их локализации в немецких квартирах по сравнению с жильем в России и Казахстане: со стен ковры перемещаются на пол (*Neufeld 2002: 38*).

Если исходить из того, что конструирование дома мигрантами из СССР представляет собой репрезентативный акт, то референтные рамки такого конструирования конфигурируются по-разному. Материалы показывают, что они зависят от круга общения хозяина дома и принятых в этом кругу ценностных ориентаций. В конечном итоге это возвращает нас к высказанному выше тезису о степени успешности интеграции в принимающее общество. Преимущественное общение в кругу родственников и других бывших соотечественников ограничивает рамки референций для “делания” своего дома этим кругом: надо быть не хуже, чем сосед (ср. выше: “...стенку себе купил классную. Потому что у соседа есть”).

Мне приходилось записывать нарративы о сравнении нынешнего немецкого дома с оставленным домом в Казахстане и ориентацией на модные тенденции в понимании хозяйки: “Квартиру обставляю по моде, как модно. Так нравится. Дома было иначе. Дома были разноцветные обои, полированные столы и кровати с полированными спинками. А здесь я все современное, модное покупаю” (ПМА 2008–2010: Н.М.). Следует обратить внимание также на использование слова “дом” в отношении жилища в стране происхождения. Информантка И.М. восприняла буквально вопрос об отличиях ее теперешнего дома в Германии от обстановки, характерной для страны исхода, однако конкретизировала его применительно к своей среде российских немцев, очерчивая тем самым референтные рамки сравнения Казахстаном: “В моем доме нет ничего характерного для, так сказать, юрта Казахстана, но дело в том, что в юртах Казахстана я никогда не жила, дело в том, что моя мама, она русская немка, и соответственно у нас доминировала немецкая культура быта” (ПМА 2020: И.Б.). При этом в разговоре она часто подчеркивает нетипичность ее “русского” дома и позиционирует

себя как субъекта, сознательно выбирающего стиль и наполнение интерьера дома согласно принципу *second life*: она комбинирует минималистичную современную мебель от *IKEA* с антикварными или подчеркнута рустикальными предметами. Имея за плечами долгий брак с уроженцем Германии и осознавая свою интегрированность в немецкое общество, хозяйка проявляет смелость индивидуальности в оформлении дома. В то же время утверждаемые ею как индивидуальные и непохожие образы являются отражением широких тенденций конца XX в., включающих понятие аутентичности, единичности произведения ремесла или искусства, вписанного в современный функциональный интерьер (см.: *Бодрийяр* 1995: 61, 65–66).

Используя терминологию Гастона Башляра, как делает, например, Джанет Карстен (*Carsten* 2018: 107, 114), можно говорить о том, что между разными домами, которые человек населял в течение жизни, существуют реверберации: старый дом так или иначе формирует новый, в каждый новый дом неосознанно заимствуются и переносятся образцы и материальные объекты из старого или же оспаривают и опровергают их: “Через сны, через разные дома, которые мы населяли в своей жизни, проникают и сохраняются сокровища былых дней, так что новые дома вызывают в памяти воспоминания о прежних наших жилищах” (*Joyce* 2014: 84). Патрик Джойс пишет об импринте, отпечатке прежде всего первого дома, но также и последующих домах: “Эти сменяющиеся друг друга дома перекликаются друг с другом, новое формирует старое, а старое – новое. В этом смысле мы никогда не выходим из своего первого дома” (цит. по: *Carsten* 2018: 111).

Гостиные и вещи, которые мы видим

В гостиной располагаются настенные украшения и различные декоративные предметы, помещенные в шкафы, стеллажи, полки. Самые распространенные – портреты детей, внуков или бабушек и дедушек, свадебные фотографии. Фотографии в интерьере оказываются универсальным явлением. Они – самый частый настенный объект в интерьерах немецких домов, в которых мне приходилось работать (см.: *Бучатская* 2016). В исследовании американского городского жилья и вещей, осуществленном М. Чиксентмихайи в 1970-е годы, фотографии составляют треть по величине и частотности группу вещей в домах, наделяемых хозяевами особым значением.

Портреты и фотографии не представляют культурной специфики именно русских домов. Нахождение их в пространстве интерпретируется по-разному. Татьяна Щепанская, исследуя профессиональные субкультуры и рабочие места, приходит к выводу о том, что портреты и фото есть персонификации пространства. Помещая портреты отсутствующих или покойных сотрудников или учителей в пространство профессии, их символически вводят в актуальный круг живущих и действующих коллег (*Щепанская* 2008: 24). То же можно проецировать и на семейные фото в пространстве жилья. Они символически собирают отсутствующих членов семьи – выросших и переехавших в связи с женитьбой сыновей, живущих отдельно внуков; они указывают на связь проживающих в доме людей с их предками, выстраивая линию преемственности поколений и являясь таким образом аспектом культуры памяти. В домах российских немцев в этом контексте фотографии бабушек или предков можно рассматривать и как проекцию их немецкого происхождения на поколение эмигрировавших детей со смешанной или кризисной этнокультурной идентичностью. М. Чиксентмихайи и Ю. Рошберг-Халтон (*Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton* 1981: 69) пишут о фотографиях как вещах, которые более, чем любые другие объекты в доме, служат цели сохранения памяти о межличностных связях.

Рис. 2. Старинный комод и выставленные на нем объекты в гостиной К. и А.М., Берлин (фото К.М., 2018 г.)

В доме моих берлинских друзей, представляющих смешанную в культурном отношении русско-польскую семью с двумя детьми, родившимися и выросшими в Берлине, обстановка не похожа на приведенные мной выше примеры. Выбором мебели, настенных украшений и декоративных объектов занимается супруга-полька, ориентируясь всецело на свой вкус; русский супруг не участвует в декоративном оформлении. Однако выставленные на старинном комодe фотографии включают в повседневное поле этой семьи равным образом родителей обоих супругов, продолжающих проживать соответственно в Польше и России и физически отсутствующих в берлинском доме. Добавлю еще, что при частых разногласиях супругов, которые сопровождаются внезапным демонстративным неприятием некоторых культурных маркеров противоположной стороны, фотографии родителей остаются своего рода семейной святыней и продолжают занимать почетное место в визуальном центре гостиной.

Среди декоративных объектов в “русских” домах есть вещи, которые не имеют прагматической функции, но по какой-то причине оказываются важными для хозяев и достойными помещения в репрезентационные пространства дома. Это статуэтки, фигурки, вазы разных размеров, нефункциональная посуда и проч. Наиболее неожиданный эффект на меня произвели матрешки, яйца-писанки, самовары и подобные сувениры с явной этнической спецификой (Рис. 2).

Матрешка и расписное яйцо относятся к клишированным этническим стереотипам и довольно однозначно ассоциируются с русской (или славянской) культурой. Исследования Анны Печуриной (*Pechurina* 2011:104–106) об эстетике “русских” домов Британии и Светланы Бойм (*Boym* 2002: 332) о пространствах коллективной ностальгии и советских эмигрантах в США также называют матрешек в числе главных декоративных объектов в домах русских эмигрантов наряду с прочими шедеврами русских народных промыслов и книгами классической русской литературы. Бойм интерпретирует практику декорирования жилья мат-

решками через ностальгический опыт советских мигрантов, который превращает их дома в своеобразные частные музеи памяти. Материалы Печуриной показывают целую палитру отношений эмигрантов к матрешкам в их домах. Они зависят от степени принятия эмигрантами британской культуры и своей инокультурности в условиях мультикультурного общества страны или же отражают конфликт и демонстративное поддержание своей “русскости”. В моей практике обмена с немецкими информантами я часто использовала матрешки как “типично русский” сувенир в благодарность за уделенное время и на память о работе со мной как с русской исследовательницей. В моем собственном доме в России я матрешек не имею и тем более не выставляю ничего подобного напоказ. А вот в “русских” домах в Германии предметы типичных для России промыслов я увидела в парадном помещении гостиной. Почему в домах людей, среди которых большая часть переехала в Германию как немцы, находятся подобные стереотипные знаки русской (славянской) культуры (более того – их достаточно много, чтобы утверждать единичность выбора подобных вещей для демонстрации, например, как спорадических подарков знакомых)? Следуя своей гипотезе о соответствии типа идентичности и объектов в доме, я предположила, что матрешки сигнализируют об этнокультурном самоотнесении хозяев с выраженной русской (или славянской) идентичностью. Например, как в случае с семьей И. и Л.Д.: супруга Л. – украинка из Мариуполя, хорошо приспособившаяся к жизни в Германии, имеющая место работы, хотя и считающая себя иностранкой; ее супруг И. переехал в Германию вместе с бабушкой, которая была и считала себя настоящей немкой, говорила на диалекте, жила в Вильгельмсдорфе на Украине, в 1941 г. была депортирована в Сибирь, Новокузнецк, для работы на заводах. И.Д. в разговоре постоянно конструирует свою “русскость”, акцентирует чуждость ему немецкой культуры, обычаев, нравов и языка: «Я вообще воспитан был как русский – ну как, разговаривали по-русски, поскольку вообще родился на Украине, но вообще-то, когда меня спрашивали, я говорил – русский. <...> чувствую я себя – ну как, воспитан на русской литературе, на фильмах, всё. Я вообще не чувствовал этой “тяги к родине”. Уехал в Германию, потому что жизнь стала плохой» (ПМА 2008–2010: И.Д.).

Матрешки и деревянные расписные яйца в стеклянном серванте семьи Д. – это не только подарки знакомых и сувениры, привезенные из Украины на память³, но и маркеры этнокультурной принадлежности, сигнализирующие посетителям дома о связях хозяев со славянским миром. Фотографию дочери в традиционном украинском головном уборе, упомянутую выше, я прочитала тоже как такой сигнал.

В гостиной русско-польской семьи М. из Берлина обстановка состоит из антикварной немецкой мебели начала XX в., которая досталась супругам по наследству: они снимали жилье с 1999 по 2009 г. в старом доме в Берлин Ванзее, фактически проживая там вместе с пожилой и немощной хозяйкой дома, выполняя повседневный и гигиенический уход за ней. После смерти “бабушки Эрны” семья вынуждена была покинуть дом, но наследники разрешили взять всю мебель с собой. А.М., которая занимается декором новой квартиры, очень привязана к этой мебели – тяжелой, добротной: она “типично бюргерская”. На комод из этого гарнитура в гостиной нового дома М. рядом с пятью матрешками и семейными фото стоит самовар с яркой росписью в русском стиле. Мой вопрос, зачем ему этот самовар, хозяин дома прокомментировал:

Это плод декоративных фантазий жены. Откуда у нас матрешки, никто не помнит. Вроде как подарил кто-то. Я бы такое точно покупать не стал бы. Самовар – несколько лет назад наша тетя Лена переезжала из одной квартиры в другую, а я при переезде помогал. Тогда она много вещей ненужных выбросила. Этот самовар тоже сначала выбросить хотела, но потом мне подарила. Самовар-то красивый (ПМА 2018: К.М.).

Про плод декоративных фантазий хозяйки я могу добавить следующий комментарий. У А.М. свое специфическое отношение к русской культуре и символам России: работая в берлинской клинике и постоянно общаясь с разными клиентами, а также местными немцами, она негативно комментирует проявление “типично немецких” качеств, порядков и обычаев и в то же время активно противопоставляет им ненемецкую этнокультурную принадлежность – свою, своего мужа и детей. Если главным маркером “польскости” для нее служит родной язык, то “русскость” семьи она подчеркивает через различные невербальные высказывания. Например, в 2014 г., в период начала конфликта между Украиной и Россией, она демонстративно носила красно-сине-белый браслет на руке (при этом делая его особенно заметным для пациентов из Украины) и разговаривала на русском языке. Клишированный символ русской культуры – матрешка, разобранный и выставленный на комод гостиной, – тоже есть сходный демонстративный посыл.

Видимые и невидимые вещи: отношения с хозяином

Матрешки и прочие символы России обнаруживаются и в доме ранних немецких переселенцев из Казахстана, упомянутой семьи Ш.: в шкафу-стенке в гостиной на первом этаже выделен целый отсек для матрешек и хохломских изделий. В зале второго этажа на стеллаже можно было увидеть статуэтку в виде женщины в украинском национальном костюме и книги на русском языке – советскую и русскую классику, а также черно-белую фотографию берез в весеннем снегу. История этих предметов связана с поездками в Россию к оставшимся там родственникам: например, фото с березами купила В.Ш. во время поездки в Барнаул к сестре.

Напомню, что Ш. прожили в Германии более 25 лет и демонстративно противопоставляют себя русским и поздним переселенцам, утверждая как раз свою принадлежность к немецкой культуре и языку, и в их случае матрешки и хохломские изделия точно не служат выражением их русской идентичности, но, очевидно, относятся к разряду биографических объектов (см.: *Hoskins* 1998), ценных в связи с определенными воспоминаниями и событиями, – такими, как путешествие или подарок родственников. М. Чиксентмиайи и Ю. Рошберг-Халтон (*Csikszentmihalyi, Rochberg-Halton* 1981: 58, 164) пишут о том, что, помещая предметы в интерьер, в репрезентационные помещения дома, мы не только декларируем вовне нечто о своем “я”, но и восполняем что-то в своих психологических потребностях. Для большинства людей, которые считают дом местом защиты и опоры, нефункциональные вещи имеют значение в силу их знаковости – они являются символами отношений, связей с другими людьми или своей личной историей.

Для понимания важности вещей и смыслов, вкладываемых в эти вещи, метода наблюдения недостаточно. Разного рода предметы актуализируют свои смыслы в нарративах своих владельцев, так или иначе будучи связанными с их биографиями. Во всех “русских” домах есть то, что эмигранты привезли с родины. Это довольно примечательный факт для поздних переселенцев, поскольку в рассказах часто упоминалось ограниченное количество разрешенного к перевозу багажа: они уезжали “с одним чемоданом”. Тем не менее среди ценных вещей оказываются те, которые нельзя назвать таковыми по объективным признакам: их стоимость и полезность нулевая. Они ценны своей эмоциональной и смысловой нагруженностью.

Семья Б. из пяти человек эмигрировала из Алма-Аты в ФРГ в 1994 г., и переезд был напряженным. В Алма-Ате продали квартиру, но все деньги ушли

Рис. 3. Берестяные туюски и два куска саксаула в доме И.Б., Пиннеберг (фото И.Б., 2022 г.)

на билеты, а вещей удалось взять немного: “Они рисковали вообще остаться без денег. И тем не менее я помню, что они притащили с собой зингеровскую машинку, старую, тяжелую. Потому что бабушка сказала, что ей обязательно нужно ее взять с собой” (ПМА 2020: О.Б.).

Польза от старой швейной машинки в Германии конца XX в. сомнительна, но ценность ее находится в иной сфере: у хозяев глубокая эмоциональная связь с вещью, потому что она буквально участвовала в судьбе семьи:

Мы везли какие-то кульки, пододеяльники, зубные щетки, и с нами была зингеровская машинка и Библия 1886 г. У машинки тоже интересная судьба. Предки мои, мамин дедушка был в России, у него была мельница, и жена его в 1912 г. ездила в Баден-Баден с сыном. И привезла оттуда эту машинку. А потом начались репрессии. И эта машинка в эти годы, во время депортация моей бабушки и ее окружения, свекрови, моей мамы, ей было четыре года, они взяли эту машинку с собой в казахские степи. И эта машинка спасла их, бабушка шила, чтобы прокормить семью. Поэтому это было святое, чтобы эта зингеровская машинка поехала с нами, это были две реликвии (Там же: И.Б.).

В интервью собеседница И.Б. делает акцент на своем безразличии к декоративным объектам: “...мелочи, это вы имеете в виду распаханные по углам с целью собирать пыль”. Однако буквально в следующей фразе упоминает “два куска саксаула” – совершенно неутилитарные и, на первый взгляд, лишённые всякого смысла вещи, к которым она тем не менее испытывает эмоциональную привязанность: “В моей лично комнате лежат очень два дорогих предмета, два куска саксаула, который мы привезли с дочерью из Алма-Аты, я уж не помню, в каком году” (Рис. 3). Кроме них в доме И.Б. на видных местах, в витринах современных шкафов стоят другие нефункциональные вещи: старая мягкая игрушка-зебра, принадлежавшая в детстве ее мужу; керамическая ваза с шиповником, сделанная друзьями и подаренная ей; синяя коробочка из картона, которую раскрашивала ее дочь, когда ей было около пяти лет (Рис. 4). Также в квартире И.Б. хранится целая коллекция русских сувениров из бересты, включая достаточно большие поставцы с крышками.

Рис. 4. Фрагмент стеллажа и любимых вещей в гостиной И.Б., Пиннеберг (фото И.Б., 2020 г.)

На мой вопрос о предметах, привезенных с родины в немецкий дом семьи М. в Берлине, последовал рассказ вовсе не о матрешках и сувенирах, как я ожидала вначале:

Самая необычная вещь в нашем берлинском доме – котелок. Когда моим родителям было лет по 20, они купили этот котелок и ходили с ним в походы. Когда я подросток, то тоже таскал этот котелок в байдарочные путешествия. Как-то раз, давно уже, был я в Питере на машине. Искал что-нибудь, чтобы еду в дороге на примусе подогреть. Нашел котелок старый и взял его с собой. С тех пор котелок в Берлине живет. Мы даже с ним несколько раз в велопоходы ездили. Удивлению и восхищению немцев на кемпингах не было конца при виде такого исторического котелка. Сейчас у нас современные титановые котелки, а старый котелок моих родителей на пенсии в кухонной кладовке живет. Являясь самой, пожалуй, богатой воспоминаниями и для нас ценной вещью. <...> “Электроника 53” – эти часы носил мой папа. Поэтому, несмотря на треснутое стекло, они очень дороги нам. Сейчас сын носит то одни, то другие часы. Еще мягкие игрушки. Когда мне было, наверное, лет пять или шесть, мама с бабушкой купили мне и моей двоюродной сестре абсолютно две одинаковые собачки. Тогда мы с ними с удовольствием играли, спать укладывали и везде с собой носили. Мой Бим до сих пор в семье. Белый медвежонок – когда мои родители познакомились. Это была первая игрушка, которую мой папа подарил моей маме. Опять же, когда сын и дочь были маленькие, моя мама подарила им эти игрушки. Сейчас эти игрушки живут на полке в гостиной” (ПМА 2018: К.М.) (Рис. 5).

Именно благодаря наполненности смыслами те или иные вещи сохраняют в пространстве дома и берут с собой во время переезда на новое место жительства. Ветхие мягкие игрушки из ленинградской квартиры пожилых родителей переместились на видное место в берлинской гостиной детей. Эти вещи специфическим образом концентрируют в себе позитивные эмоции, важные для гармоничного существования человека в доме; так отчасти восполняется физическая удаленность близких людей. Эмоциональная привязанность к подобным предметам выявляет тесную связь человека и материального мира. Если говорить о них в терминах биографических объектов, то их ценность – в переплетении биографии материальных объектов с биографиями их владельцев. Вещи из просто декоративных или утилитарных превращаются в средоточие памяти и действуют, не просто актуализируя биографические воспоминания субъекта. За связью человека и материальной вещи стоит важная связь между человеком

и другим человеком (людьми), изображенными на конкретном фото или подарившими этот предмет.

Как оказалось, особым значением могут обладать не только вещи, демонстрируемые в гостиных, но и скрытые от глаз стороннего наблюдателя – вполне утилитарные предметы или бывшие таковыми ранее. Продолжая разговор о вещах в доме, интересно проследить траектории их биографии так, как это описано у Игоря Копытофф (*Копытофф* 2006: 153 и далее). Под биографией вещи понимается “ее перемещение в пространстве социальных значений” (*Вахштайн* 2006: 18): “Материальная вещь, включаясь в то или иное повествование, получая опору в мире социальных значений, становится социальным объектом, больше, чем вещью”. Например, жизнь советского походного алюминиевого котелка из дома М. длится уже более 60 лет. Его биография началась с того, что его приобрели двое влюбленных молодых людей, типичные “шестидесятники”, и это открывает целый культурный пласт в истории советского общества и данной семьи в частности. Молодые люди, представители научно-технической интеллигенции, увлекались походами и эту любовь с детства прививали своему

Рис. 5. Любимые вещи семьи М., Берлин (фото К.М., 2018 г.)

сыну, беря его в байдарочные походы. Со временем родители перестали ходить в походы и осели дома, но жизнь котелка продолжилась – сперва он просто хранился среди вещей в ленинградской квартире М., затем перешел по наследству и по причине товарного дефицита 1980-х годов в СССР к сыну; дальше он пользовался им по назначению, и потом котелок снова был забыт в кладовке на долгое время, потому что в 1990-е годы сын начал строить свою карьеру и уехал из России в Польшу, а затем поселился в Берлине, где завел семью. Здесь можно говорить об особом отношении к старой вещи в советском обществе: как бы она ни была стара, ее не выбрасывали, потому что однажды она может пригодиться. Поэтому “жизненный цикл вещей предполагал длительную остановку на пути на помойку” в кладовке, на даче или в пустой комнате коммуналки (Утехин 2001: 34)⁴. Эмигрировав, сын часто навещал ленинградскую квартиру и родителей. Он ездил на машине и, экономя деньги, не ночевал в отелях, а еду привычно готовил на костре, и вот котелок дождался своего часа: его заметили среди ненужной в хозяйстве посуды и взяли в дорогу. Так он пригодился и заодно тоже сменил “место жительства”, оказавшись в Берлине 2000-х годов, где разные современные емкости для готовки на огне можно найти на любой вкус и кошелек. Затем котелок продолжил свою “карьеру” в Берлине по прямому назначению, хотя в это время он уже служил больше репрезентацией уникальности походного опыта хозяина (“исторический котелок”, “немцы восхищаются и удивляются”), чем выполнял исключительно прагматическую функцию. После замены его современной вещью котелок окончательно переместился в область *memory objects*. Такая же судьба у советских электронных часов, которые ценны для обладателя потому, что несут в себе память об умершем отце, к которому была прочная эмоциональная привязанность. Как памятную вещь, связанную с историей семьи, а также как материальную редкость из ушедшей эпохи и несуществующей страны, часы носит внук, молодой человек, выросший на немецкой молодежной культуре, но в постах в социальных сетях размещающий свои фотографии с расхожими символами СССР, выделяя свое “экзотическое” происхождение на фоне берлинского окружения.

* * *

“Русский” дом в Германии оказывается многослойным феноменом: в нем можно видеть пространство защиты и ухода от внешнего мира и неудавшейся культурно-языковой интеграции, обретения эмоционального комфорта; средоточия практик повседневной заботы и общения с семьей; место репрезентации семейных и личных ценностей, идентичности и вкусовых предпочтений; сцены, на которой разыгрываются сценарии отношений человека и вещей. В новом месте люди больше не ограничены набором типовых шаблонов обстановки жилья, которые диктовал им дефицит товаров и идей в стране исхода. Тем не менее в обстановке часто воспроизводятся стереотипы и фрагменты из прежних домов, в которых проходила жизнь до переезда.

Видимая обстановка “русского” дома в Германии оказывается вполне типичной и сопоставимой с русскими домами других стран: можно выделить стандартный набор объектов, с помощью которых русский дом “делается” – предметы народных промыслов, книги русских классиков. Переключение масштаба наблюдения на скрытые от глаз предметы выявляет многообразие любимых вещей, которое не поддается типологизациям. Феномен эмоциональной привязанности к вещам связан с биографией хозяев, историей каждой отдельной семьи, ее переезда в Германию. Вещи, которые человек помещает в свой дом, предстают объективированными воспоминаниями о событиях жизни и

других людях, сигнализируя о важности семейных и межчеловеческих отношений, выраженных в подарках, фото, рисунках и поделках детей. Отношения людей и вещей темпоральны. На протяжении физического существования вещи происходит ее перемещение в пространстве значений, приписываемых людьми.

Примечания

¹ Здесь не рассматривается промежуточное существование эмигрантов во временных лагерях размещения (*Aussiedlerheim*, разг. *Heim*).

² К сходным выводам пришли У. Кляйнкнехт-Штреле и М. Савоскул, также исследовавшие идентичности российских немцев Германии (см.: *Kleinknecht-Strähle* 2001; *Савоскул* 2006).

³ В этой связи мне вспоминается такой же символический акт со стороны моих друзей: когда я с семьей уезжала в Германию на полтора года для работы по гранту, нам подарили матрешку со словами: “Чтоб не забывали корни”.

⁴ Это открывает перспективу рассмотрения взаимоотношений с вещами в контексте культуры бедности вообще (*Lewis* 1959), что выходит за рамки моей работы.

Источники и материалы

ПМА 2008–2010 – Полевые материалы автора. Полевой стационар в Германии (г. Бамберг, д. Оберхарнсбах, д. Фасторф, г. Берлин), 2008–2010 гг. Записи интервью (информанты: М.М., м, 62; Н.М., ж, 30; М.К., ж, 52; В.Ш., ж, 67; О.А., ж, 40; Л.Д., ж, 35; И.Д., м, 35, М.А., ж, 44).

ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Берлин, июль 2018 г. Письменные опросы и анкеты (информанты: К.М., м, 48; А.М., ж, 39).

ПМА 2020 – Полевые материалы автора. Санкт-Петербург, октябрь 2020 г. Записи интервью (информанты: И.Б., ж, 48; О.Б., ж, 47).

Das russlanddeutsche Haus 2008 – Das russlanddeutsche Haus. Eine Ausstellung in Bamberg. <https://www.welten-verbinden.de/stiftung/foerderung/projekte/das-russlanddeutsche-haus.htm> (дата обращения 10.01.2010).

Научная литература

Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995.

Бредникова О., Ткач О. Дом дляномады // Лабораториум. 2010. № 3. С. 72–95.

Бучатская Ю.В. Интерьер и вещи в контексте профессии. Наблюдения в домах городских овощеводов Бамберга // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 175–214.

Вахштайн В. Социология вещей и “поворот к материальному” в социальной теории // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2006. С. 7–43.

Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2006. С. 134–168.

Милерюс Н. Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах // P.S. Ландшафты: Оптики городских исследований / Под ред. Н. Милерюс, Б. Коуп. Вильнюс: Европейский гуманитарный ун-т, 2008. С. 37–63.

Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и этническая самоидентификация (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюр-

- нберг-Эрланген) // Демоскоп Weekly. 2006. № 243–244 (17–30 апреля). <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>
- Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001.
- Щепанская Т.Б. Проекция социального контроля в пространстве профессии // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 18–31.
- Armbruster H. Homes in Crisis: Syrian Orthodox Christians in Turkey and Germany // New Approaches to Migration? Transnational Communities and the Transformation of Home / Eds. N. Al-Ali, Kh. Kose. L.: Routledge, 2002. P. 17–33.
- Bachelard G. The Poetics of Space. Boston: Beacon Press, 1994 [1964].
- Bollnow O.F. Der Mensch und der Raum // Universitas. 1963. Vol. 18. S. 499–514.
- Bourdieu P. Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft. Frankfurt am Main: Suhrkamp taschenbuch wissenschaft, 1987 [1979].
- Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge: Harvard University Press, 1994.
- Boym S. The Future of Nostalgia. N.Y.: Basic Books, 2002.
- Carsten J. House-Lives as Ethnography/Biography // Social Anthropology/ Anthropologie Sociale. 2018. Vol. 26(1). P. 103–116. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12485>
- Collins F.L. Connecting “Home” with “Here”: Personal Homepages in Everyday Transnational Lives // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2009. Vol. 35 (6). P. 839–859. <https://doi.org/10.1080/13691830902957668>
- Csikszentmihalyi M., Rochberg-Halton E. The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Cuba L., Hummon D.M. Constructing a Sense of Home: Place Affiliation and Migration across the Life Cycle // Sociological Forum. 1993. Vol. 8 (4). P. 547–572. <https://doi.org/10.1007/BF01115211>
- Denisova-Schmidt E. Russlanddeutsche: Geschichte und Gegenwart. Zeitzeugen erzählen über Heimat, Migration und Engagement. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2015.
- Götze U. Die Gute Stube // Lebensbereich Wohnen. Didaktisches Sachbuch zur Wohnumwelt vom Kinderzimmer bis zur Stadt. Bd. 1 / Hrg. G. Andritzky, G. Selle. Reinbek: Rowohlt, 1978. S. 288–297.
- Hahn, H.P. Von der Ethnographie des Wohnzimmers – zur “Topographie des Zufalls” // Die Sprache der Dinge. Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf die materielle Kultur / Hrg. E. Tietmeyer, C. Hirschberger, K. Noak, J. Redlin. Münster: Waxmann, 2010. S. 9–21.
- Hepworth M. Privacy, Security and Respectability: The Ideal Victorian Home // Ideal Homes? Social Change and Domestic Life / Eds. T. Chapman, J.L. Hockey. N.Y.: Routledge, 1999. P. 17–29.
- Hoskins J. Biographical Objects: How Things Tell the Stories of People’s Lives. N.Y.: Routledge, 1998.
- Isurin L., Riehl C.M. (eds.) Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants: Russian Germans or German Russians. Amsterdam: Benjamins, 2017.
- Joyce P. The Journey West // Field Day Review. 2014. No. 10. P. 62–93.
- Kleinknecht-Strähle U. Deutsche aus der ehemaligen Sowjetunion. Grundzüge ihrer Geschichte und Integration // Zwischen Isolation und Integration: 50 Jahre Eingliederung in die Bundesrepublik Deutschland. Filderstadt: Haus der Heimat des Landes Baden-Württemberg, 2001. S. 48–50.
- Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Prozess // The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective / Ed. A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–92.
- Langhamer C. The Meanings of Home in Postwar Britain // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40 (2). P. 341–362. <https://doi.org/10.1177/0022009405051556>

- Lewis O. *Five Families: Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*. N.Y.: Basic Books, 1959.
- Marcus C.C. *House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home*. Berkeley: Conari Press, 1995.
- Mitscherlich A. *Die Unwirtlichkeit unserer Städte. Anstiftung zum Unfrieden*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1965.
- Neufeld O. *Aspekte der Wohnkultur russlanddeutscher Aussiedler vor und nach der Ausreise*. Magisterarbeit. Münster, 2002.
- Pechurina A. *Russian Dolls, Icons and Pushkin: Practicing Cultural Identity through Material Possessions in Immigration* // *Laboratorium*. 2011. Vol. 3 (3). P. 97–117.
- Riggins S.H. *Fieldwork in the Living Room: An Autoethnographic Essay* // *The Socialness of Things: Essays on the Socio-Semiotics of Objects* / Ed. S.H. Riggins. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 101–147.
- Tränkle M. *Wohnkultur und Wohnweisen*. Tübingen: Gulde-Druck, 1972.
- Warnke M. *Zur Situation der Couchecke* // *Stichworte zur geistigen Situation der Zeit*. Bd. 2, Politik und Kultur / Hrg. J. Habermas. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. S. 673–687.

Research Article

Butschatskaja, J.V. The House of Russian-Speaking Immigrants in Germany: People and Things [Dom russskoiazыchnykh pereselentsev v Germanii: liudi i veshchi]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 44–65. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040030> EDN: HXKHXO ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Julia Butschatskaja | <https://orcid.org/0000-0001-9139-0179> | Julia.butschatskaja@yahoo.de | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Germany, Russian-speaking immigrants, Russian house, things, home, living rooms

Abstract

This article is based on observations, surveys, and narratives of Russian-speaking immigrants in German cities, which relate to the home and its material filling, and raises the following research questions: do the living room environments of Russian-speaking residents of Germany differ from German traditions? If so, why? What things are special for people? How is the choice of decorative objects related to the biographies of their owners? I consider the concepts of Homeland and Home as a place where the everyday life is lived and emotional attachments are experienced, as a space for demonstrating identity and taste through things. The home is considered also as a space where people and their things coexist. The owners of houses show their subjectivity, striving to make their home different from the place where they came from, to implement the style of European interiors in their homes. However, they often reproduce stereotypes and fragments from previous homes in which they lived before the move.

References

- Armbruster, H. 2002. Homes in Crisis: Syrian Orthodox Christians in Turkey and Germany. In *New Approaches to Migration? Transnational Communities and the Transformation of Home*, edited by N. Al-Ali and Kh. Kose, 17–33. London: Routledge.

- Bachelard, G. (1964) 1994. *The Poetics of Space*. Boston: Beacon Press.
- Baudrillard, J. 1995. *Sistema veshchei* [The System of Objects]. Moscow: Rudomino.
- Bollnow, O.F. 1963. *Der Mensch und der Raum* [The Human and the Space]. *Universitas* 18: 499–514.
- Bourdieu, P. (1979) 1987. *Die feinen Unterschiede. Kritik der gesellschaftlichen Urteilskraft* [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste]. Frankfurt am Main: Suhrkamp taschenbuch wissenschaft.
- Boym, S. 1994. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge: Harvard University Press.
- Boym, S. 2002. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books.
- Brednikova, O., and O. Tkach. 2010. Dom dlia nomady [Nomad's House]. *Laboratorium* 3: 72–95.
- Butschatskaja, Y.V. 2016. Inter'er i veshchi v kontekste professii. Nabludeniia v domakh gorodskikh ovoshchevodov Bamberga [Living Space and Things in a Professional Context: A Study of Gardeners' Houses in Bamberg]. *Antropologicheskii forum* 30: 175–214.
- Carsten, J. 2018. House-Lives as Ethnography/Biography. *Social Anthropology/Anthropologie Sociale* 26 (1): 103–16. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12485>
- Collins, F.L. 2009. Connecting “Home” with “Here”: Personal Homepages in Everyday Transnational Lives. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 35 (6): 839–859. <https://doi.org/10.1080/13691830902957668>
- Csikszentmihalyi, M., and E. Rochberg-Halton. 1981. *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cuba, L., and D.L. Hummon. 1993. Constructing a Sense of Home: Place Affiliation and Migration across the Life Cycle. *Sociological Forum* 8 (4): 547–572. <https://doi.org/10.1007/BF01115211>
- Denisova-Schmidt, E. 2015. *Russlanddeutsche: Geschichte und Gegenwart. Zeitzeugen erzählen über Heimat, Migration und Engagement*. Stuttgart: Ibidem Verlag.
- Götze, U. 1979. Die Gute Stube [The Living Room]. In *Lebensbereich Wohnen. Didaktisches Sachbuch zur Wohnumwelt vom Kinderzimmer bis zur Stadt* [Living Area: Didactic Book on the Living Environment from the Children's Room to the City], edited by G. Andritzky and G. Selle, 1: 288–297. Reinbek: Rowohlt.
- Hahn, H.P. 2010. Von der Ethnographie des Wohnzimmers – zur “Topographie des Zufalls” [From an Ethnography of Living Room to the Topography of Coincidence]. In *Die Sprache der Dinge. Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf die materielle Kultur* [The Language of Things: Cultural Studies Perspectives on Material Culture], edited by E. Tietmeyer, C. Hirschberger, K. Noak, and J. Redlin, 9–21. Münster: Waxmann.
- Hepworth, M. 1999. Privacy, Security and Respectability: The Ideal Victorian Home. In *Ideal Homes? Social Change and Domestic Life*, edited by T. Chapman and J. Hockey, 17–29. New York: Routledge.
- Hoskins, J. 1998. *Biographical Objects: How Things Tell the Stories of People's Lives*. New York: Routledge.
- Isurin, L., and C.M. Riehl, eds. 2017. *Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants: Russian Germans or German Russians*. Amsterdam: Benjamins.
- Joyce, P. 2014. The Journey West. *Field Day Review* 10: 62–93.
- Kleinknecht-Strähle, U. 2001. Deutsche aus der ehemaligen Sowjetunion. Grundzüge ihrer Geschichte und Integration [Germans from the Former Soviet Union: Mean Features of Their History and Integration]. In *Zwischen Isolation und Integration: 50 Jahre Eingliederung in die Bundesrepublik Deutschland* [Between Isolation

- and Integration: 50 Years of Integration into the Federal Republic of Germany], 48–50. Filderstadt: Haus der Heimat des Landes Baden-Württemberg.
- Kopytoff, I. 1986. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Prozess. In *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*, edited by A. Appadurai, 64–92. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kopytoff, I. 2006. Kul'turnaia biografiia veshchei: tovarizatsiia kak protsess [The Cultural Biography of Things: Commoditization as Prozess]. In *Sotsiologiia veshchei* [Sociology of Things], edited by V. Vakhshain, 134–168. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoriiia budushchego".
- Langhamer, C. 2005. The Meanings of Home in Postwar Britain. *Journal of Contemporary History* 40 (2): 341–362. <https://doi.org/10.1177/0022009405051556>
- Lewis, O. 1959. *Five Families: Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*. New York: Basic Books.
- Marcus, C.C. 1995. *House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home*. Berkeley: Conari Press.
- Milerius, N. 2008. Sinkhronizatsiia i desinkhronizatsiia nastoiashchego i budushchego na sovetskom i postsovetskom prostranstvakh [Synchronization and Desynchronization of the Present and the Past in Soviet and Post-Soviet Spaces] In *P.S. Landshafty: optiki gorodskikh issledovaniï* [P.S. Landscapes: Optics for Urban Studies], edited by N. Milerius and B. Cope, 37–63. Vilnius: EGU.
- Mitscherlich, A. 1965. *Die Unwirtlichkeit unserer Städte. Anstiftung zum Unfrieden* [The Inhospitableness of Our Cities: An Incitement to Discord]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Neufeld, O. 2001. Aspekte der Wohnkultur russlanddeutscher Aussiedler vor und nach der Ausreise [Aspects of the Domestic Culture of Russian-German Emigrants before and after Moving]. MA Thesis. Münster.
- Pechurina, A. 2011. Russian Dolls, Icons and Pushkin: Practicing Cultural Identity through Material Possessions in Immigration. *Laboratorium* 3 (3): 97–117.
- Riggins, S.H. 1994. Fieldwork in the Living Room: An Autoethnographic Essay. In *The Socialness of Things: Essays on the Socio-Semiotics of Objects*, edited by S.H. Riggins, 101–147. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Savoskul, M.S. 2006. Rossiiskie nemtsy v Germanii: integratsiia i etnicheskaia samoidentifikatsiia (po itogam issledovaniia rossiiskikh nemtsev v regione Niurnberg-Erlangen) [Russian Germans in Germany: Integration and Ethnic Self-Identification (Based on a Study of Russian Germans in Nuremberg-Erlangen Region)]. *Demoskop Weekly* 243–244. www.demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php
- Shchepanskaya, T.B. 2008. Proektsii sotsial'nogo kontroliia v prostranstve professii [Social Control Projections in a Space of Profession]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 18–31.
- Tränkle, M. 1972. *Wohnkultur und Wohnweisen* [Domestic Culture and Lifestyles]. Tübingen: Gulde-Druck.
- Utekhin, I. 2001. *Ocherki kommunal'nogo byta* [Essays on the Communal Life]. Moscow: OGI.
- Vakhshain, V. 2006. Sotsiologiia veshchei i "povorot k material'nomu" v sotsial'noi teorii [Sociology of Things and "Material Turn" in Social Theory]. In *Sotsiologiia veshchei* [Sociology of Things], edited by V. Vakhshain, 7–43. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoriiia budushchego".
- Warnke, M. 1982. Zur Situation der Couchecke [On the Situation of a Couch Corner]. In *Stichworte zur geistigen Situation der Zeit*. Bd. 2, *Politik und Kultur* [Keywords on the Intellectual Situation of the Time. Vol. 2, Politics and Culture], edited by J. Habermas, 673–687. Frankfurt am Main: Suhrkamp.